

**БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ: О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕДУРАХ
ИСКЛЮЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
МЕДИДИСКУРСЕ**

Аннотация: Описаны некоторые процедуры исключения идеологически чуждого мнения, которые актуализируются в современном российском медиадискурсе и, очевидно, используются в целях охранения официозной идеологии.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, СМИ, журналист, процедуры исключения, идеология.

Kablukov E. V.

**THE STRUGGLE WITH NONCONFORMITY: ABOUT SOME
PROCEDURES OF EXCLUSION IN MODERN RUSSIAN MEDIA
DISCOURSE**

Abstract: Some procedures of exclusion actualized in modern Russian media discourse are described. It is shown that these procedures eliminate the ideologically alien opinion and contribute to the protection of paragovernmental ideology.

Keywords: *discourse, media discourse, media, journalist, procedures of exclusion, ideology*

Мишель Фуко отмечал, что «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [5, с. 51]. Мы рассмотрим некоторые *процедуры исключения* идеологически чуждого мнения, которые актуализируются в современном российском медиадискурсе и, очевидно, используются в интересах власти для формирования официозной идеологии.

Начнем с процедур законодательного исключения идеологически чуждой информации. Здесь следует упомянуть ст. 148 УК РФ, которая

вводит ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих», и ст. 354.1 УК РФ, карающую, среди прочего, за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». С учетом российской правоприменительной практики (вспомним хотя бы дело Владимира Лузгина или Сергея Лазарова) можно сказать, что названные законодательные ограничения вводят табу на критическое осмысление религии и истории СССР периода Второй мировой войны. Причина, вероятно, в том, что эти темы критически важны для конструирования официальной российской идеологии, которая сочетает элементы советского и религиозного мировоззрения [см.: 2]. Закреплением традиции институционального охранения официальной идеологии являются и рассматриваемые сейчас «законопроекты Клишаса»: «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (в части уточнения перечня информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено)» и «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (в части уточнения перечня информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено)» [см.: 4].

Можно предположить, что анализ практик конструирования объектов дискурса (отбора, номинации и описания событий и персонажей) в официальных российских медиа показал бы трансформацию последних из СМИ в СМИП, однако мы обратим внимание на процедуры исключения иного мнения, которые далеко не всегда укладываются в рамки пропаганды. Эти процедуры связаны с тем, что журналист (в нашем случае – ведущий программы) как субъект дискурса занимает привилегированное положение и использует его не для вербального (что соответствовало бы методам пропаганды), а для физического подавления оппонента. Один способ такого подавления – это использование особых полномочий для того, чтобы удалить неудобного собеседника из студии и тем самым раз и навсегда предотвратить его речевую активность в данной коммуникативной ситуации. Рассмотрим два примера таких действий со стороны журналиста:

О. Скабеева: *Речь идет о том, что на Украине приравняли фашизм и коммунизм. Именно об этом рассказывает Калашников.*

Н. Исаев: *И это правильно!*

О. Скабеева: *Это правильно?*

Н. Исаев: *Это абсолютно правильно...*

О. Скабеева: *Уходите, пожалуйста, Никита Олегович. Вон отсюда! Вы, мне кажется, идиот, Никита Олегович* (60 минут. Первый канал. 1.10.2018).

Другой пример показывает, как символическая власть журналиста подкрепляется физическим насилием:

А. Норкин: *Слушайте, не надо меня лечить.*

С. Запорожский: *Надо, потому что вы обманываете.*

А. Норкин: *Пойдем выйдем...*

Гость подчинился и тут же пошел на выход, однако журналист схватил его рукой и подтолкнул. Гость, опешив, остановился, а журналист толкнул его еще несколько раз со словами: *Так, выйди отсюда! Пошел вон отсюда!* (Место встречи. НТВ. 28.09.2016).

Второй способ физического давления предполагает не устранение инакомыслящего из ситуации общения, а физическое воздействие внутри этой ситуации. Начнем с резонансного случая, который произошел во время записи программы «Право голоса» на канале ТВЦ 22 ноября 2016 г.:

Т. Мацейчук: *Украинцы, они тоже хотят жить, как нормальные люди, а не в говне, как вы. А не в говне, как русские.*

Р. Бабаян: *Секундочку, я щас правильно услышал, что мы живем в говне?*

Т. Мацейчук: *Правильно.*

Р. Бабаян: *Да это вы в говне живете!*

Затем журналист кинул в лицо собеседника свои бумаги, после чего в студии началась драка. Примечательно, что этот фрагмент не пошел в эфир, однако моментально разлетелся по интернету и, среди прочего, был опубликован на официальном сайте ТВЦ.

Артем Шейнин, ведущий программы «Время покажет» на Первом канале не стал кидаться бумагами, а попросту подошел к Майклу Бому, одному из гостей студии, взял его за шею и угрожающе сказал: *Ты че меня щас провоцируешь, дядь? Да меня сложно спровоцировать* (12.10.2017).

В риторике приемы, демонстрирующие собеседнику, что ему следует замолчать, известны как речевые придержки [3, с. 161]. Здесь мы видим, что журналисты, во-первых, используют придержки по идеологическим соображениям, а во-вторых, заменяют речевые придержки физическими. Тем самым журналисты демонстрируют массовой аудитории, что солидаризация с данной идеологической позицией может быть опасна, причем от незаконного наказания носителя иного мнения не защитят даже телевизионные камеры.

В заключение обратимся к словам Ханны Арендт: «Примечательно то, что нацистские публицисты удачно определили как “силовую пропаганду”: большинству населения стало ясно, что власть нацистов нечто большее, чем власть правительства, и что безопаснее быть членом нацистской околовоенной организации, чем лояльной республиканской» [1, с. 455]. Удивительно, что некоторые российские журналисты сегодня тоже не стесняются использовать силовую пропаганду, а точнее, попросту заменяют пропаганду террором.

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. М., 1996.
2. Каблуков Е. В. Роль медиадискурса в поляризации российского общества // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. Вып. 80. № 21. 2013. С. 257–263.
3. Матвеева Т. В. Риторический практикум журналиста / Т. В. Матвеева. М., 2014.
4. Система обеспечения законодательной деятельности ГД РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2019).
5. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. М., 1996. С. 47–96.

УДК 070.11:778.5(73) + 124.5

Корыхалова П. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЗЫ ЖУРНАЛИСТА В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ И ИХ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Аннотация: В данной статье описываются два главных образа журналиста в американском кинематографе: журналист-герой и журналист-злодей. На эти два принципиально разных образа журналистов в кино делят их профессиональные ценностные ориентиры. Журналист-злодей злоупотребляет свободой и силой СМИ, фальсифицирует информацию в погоне за громкими заголовками. Журналист-герой показан честным борцом за правду и справедливость. Он работает на благо общества. В статье анализируются ценностные ориентиры журналиста-героя и журналиста-злодея.